

Другие книги
серии
«АЗБУКА. ГОЛОСА»

Валерий Шпякин
0,5

Владимир Березин
СНТ

Анна Линская
КАФЕ СМЕРТИ

Екатерина Какурина
МАРКЕТОЛОГ
ОТ БОГА

Марина Чуфистова
ЙАЛКА

Александр Касаверде
Электрические киты

Владимир Шинкарев
МАКСИМ И ФЕДОР

ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН

Уранотипия

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 48

Оформление обложки Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-26948-4

© В. С. Березин, 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

УРАНОТИПИЯ
(ФОТОГРАФИЯ ИЕРУСАЛИМА)

— Так вы всё-таки верите же в Новый Иерусалим?

— Верую, — твёрдо отвечал Раскольников; говоря это и в продолжение всей длинной тирады своей он смотрел в землю, выбрав себе точку на ковре.

Фёдор Достоевский. Преступление и наказание

I

(год под звёздочкой)

В романе моём вот и надо изобразить обе силы: силу организованного изучения фактов, этих следов на песке существа, обладающего крыльями. Но вот следы ног кончаются, по обеим сторонам этих последних следов на песке виднеются следы ударов маховых перьев крылатого существа, и дальнейшее преследование его по следам на земле невозможно. Вот в этом-то и открывается для личности возможность борьбы со множеством, со всеми. И в этом смысл смерти Христовой и вознесения крылатого существа: камень от гроба отвален, книжники и фарисеи одурачены, земные следы крылатого существа потеряны... Это суд Христов в противоположность суду человеческому будет совершаться уже не по земным только следам, а по тем главным, существенным следам крылатой личности, которые ускользали от глаза земного следопыта.

Михаил Пришвин

Осенним вечером 183* года в Яфёфском порту на берег сошли два русских путешественника. За ними брели носильщики, навьюченные баулами так, что были видны только семенящие ноги.

Их встречал молодой человек в пыльной одежде, явно приехавший в порт издалека.

Один из прибывших был низкого росту и склонен к полноте. Второй, хоть и казался старше, был быстр и резок, рядом с ним встречающий и вовсе выглядел юношей.

Путники были одеты в дорожное немаркое платье. За ними волочили ящики и чемоданы — в необычном даже для здешних мест количестве. Слуга нёс лишь небольшой сак-вояж.

С виду они походили не на паломников, а на концессионеров. Но сколько бы ни было у них багажа, какой путь бы они ни преодолели, восточный порт проглотил их, смешал с толпой носильщиков, с горами тюков, с деревянными ящиками и грудями джутовых мешков. Запахи Востока закружились вокруг прибывших, как знойный ветер, перемешанный с песком. Но видно было, что им всё не впервой — и запахи, и тягость долгого путешествия, — разве толстяк, изнемогая от жары, крутил головой. Толстяку было дурно, но он старался не отставать от своих товарищей.

Они отправились в гостиницу для европейцев и по дороге говорили между собой по-французски.

У дверей гостиницы их встретил каменный слон. Изображение животных, как известно, порицается Кораном, но, если оно сделано для глаз неверных и служит привлечению денег, на это можно закрыть глаза. У мусульман и иудеев слон считается нечистым, его нельзя есть, но этот слон был из камня, так что никто и так не подумал бы его тронуть.

Впрочем, хозяин был армянин и с разными гостями вёл себя по-разному, притворяясь то греком, то турком, а то евреем.

Один из путешественников остановился, разглядывая слона. Услужливый хозяин завёл долгую речь, в которой мешались исчезнувшие страны и мёртвые цари. Он рассказывал о восстании евреев в начале нового исчисления времени, которое Селевкиды пытались растоптать слонами. Но слоны стали лёгкой добычей в горах и на узких дорогах.

Часть из них просто бросили, отступая. Они были мудрее людей и ушли в леса. Это были слоны-дезертиры, — в этот момент хозяин подмигнул и расплылся в улыбке. Было видно, что он одобряет выбор слонов.

Во время Великого восстания уже евреи призвали бесхозных слонов и пошли с ними на Йодифат. Теперь слоны давили римлян. Но восстание догорело, и слонов постигла участь восставших — так всегда бывает, когда примкнёшь не к той стороне. Победитель не разбирает мотивов, он очищает пространство — и слонов, выведя в поле, казнили, как людей.

— Но, — говорил хозяин, — перед вами не боевой, а мирный слон. Он прибыл сюда по торговым делам, а не за этим. Мой слон уютный и домашний, и вам здесь будет уютно, как дома.

Задержавшийся путешественник, Впрочем, уже шёл внутрь, не слушая.

Только когда русские странники остались одни, заняли номера, а потом сошлись вместе, они перешли на свой язык.

Они стояли в комнате старшего, где, как убитые на войне, громоздились друг на друге нераскрытые ещё тюки и сумки.

Посреди большого стола легла карта, её придавили по краям четыре тяжёлые бутылки.

Ночной зной втекал в комнату через ажурное оконце, за окном едва шевелились пальмы. Но троица не обращала внимания на жар старых камней.

— Пётр Петрович, я рекомендую вам виски — от британцев взят, весьма хорош, — предложил молодой на правах хозяина.

— А скажите, Михаил Павлович, британцы всё о нас знают?

— В пределах допустимого. Тут лучше пусть знают что-то, понятное уму, полная скрытность рождает нежелательные фантазии.

— А я, извините, выпью анисовой. Мне не привыкать. — Это был толстяк.

К нему обращались «Максим Никифорович», будто на равных, но, судя по всему, звания он был низкого.

Максим Никифорович быстро сомлел и ушёл к себе. Через мгновение послышался его бодрый храп.

Заснули все. Заснули путники на постоянных дворах, заснули купцы в задних комнатах своих лавок, уснули императоры и князья, спали часовые в караулах, забылись бес-

покойным сном холерные больные по всей Азии и Европе, дремали учёные мужи, обхватив свои микроскопы и телескопы, будто неверных молодых жён, разве руку какого-нибудь поэта ловила рука молодой прекрасной женщины — но так мало кому везёт.

В это время в иерусалимском монастыре смотрел незрячими глазами в потолок старый монах. Ночь наступила для него давно, но он умел отличать свет от тьмы по тому, как они касались его лица. Впрочем, в его келье никогда не было света, а выходить наружу ему было трудно.

Монах думал, что Господь тоже спит, иначе Он не заставил бы его видеть во снах прошлые жизни. Это противоречило правилам веры, норовило приспособить её к восточным делам. Здесь, на Востоке, всё, что располагалось достаточно далеко в направлении восхода, казалось несуществующим. Но с древнейших времён в восточные земли шли караваны, и старик слышал истории о той вере, в которой душа, прежде чем встретиться с Господом, ещё много раз скитается по чужим телам. И то наказание снами, что нёс монах в келье, казалось прямым следствием Господнего сна. Иначе Он не допустил бы такого.

Но теперь монах думал, что странствия по старым снам должны скоро закончиться.

Однажды, лет десять назад, к нему пришёл путешественник, родом поляк, служивший русскому царю. Поляк узнал, что монах родом из страны, которую на полгода заваливает

снегом — сперва пухлым, а затем твердеющим, — а реки застывают, будто олово. Путешественником двигало не религиозное чувство, а любопытство.

Разговор у них не клеился. Поляк явно хотел услышать от монаха какие-то остроумные наблюдения, чтобы записать их в свою книжечку, но тот разочаровал его.

Тогда путешественник стал спрашивать невпопад, как на этой земле много лет назад один властный человек спрашивал неизвестного оборванца.

— Что есть Бог? — спросил поляк.

— Бог есть любовь, — прошелестел монах.

Путешественник злился, ему уже казалось, что время в тёмной келье потрачено зря. Ему всё же хотелось записать в книжечку какую-нибудь притчу, что могла стать восточной повестью, заключить её в ларец с причудливым орнаментом, чтобы потом напечатать в журнале. А монах отвечал односложно, и его слова было почти невозможно использовать. Более того, в этой экономии слов была особая сила, уничтожавшая литературу, которую так любил поляк.

Наконец они расстались.

Архип Иванович Витковский вышел из кельи на свет, туда, где жара плавил камни. Он возвращался на родину из Каира, — впрочем, с понятием родины у него были сложные отношения. Он был подданным империи, но таких, как он, империя не любила. Если бы

он происходил из той Польши, где царил настоящий польский дух, всё было бы проще, но Витковский был из Восточных Кресов, где народы мешаются, как капуста с колбасой в бигосе.

Тогда, десять лет назад, он попал на Святую землю проездом из Каира. Путешествуя по египетским пескам, он однажды заехал далеко, дальше, чем думал, и остановился в часовне на берегу Нила. Место было христианское, несмотря на то что со времён Бонапартия Египет представлялся чем-то избыточно древним, а затем — арабским. Теперь он был под властью Порты, но никто, кроме дипломатов, не разобрался в этой скуке. Досужие путешественники возвращались в Париж или Петербург, предъявляя не наблюдения, а чалмы и расшитые золотом немыслимые халаты. Витковский же не обзавёлся халатами, но переписал множество рукописей по монастырям и перевёл несколько книг.

А тогда он лежал на полу часовни и смотрел на небо, изображённое на потолке. Небо было наполнено причудливыми существами, а всего их было двенадцать.

Также он видел пять планет и то, как Солнце заходит за Луну. Это неподвижное небо, полное звёзд, ему казалось чрезвычайно любопытным, и его можно было разглядывать бесконечно. Обычно мужчины смотрят так на небо, если они пьяны или умирают на поле боя, но Витковский был трезвенником, а военное дело презирал от всей души — за нелепость и взаимное неумение.

Каменное небо, высеченное неизвестными скульпторами во времена Нового царства, ему нравилось больше настоящего, хотя он знал, что оно неточно передаёт то, что находится выше, над потолком.

На настоящем небе двигались планеты, его затягивали тучи, и всё в нём было в беспорядке, как в человеческой жизни. Поднимался ветер, переходил к югу, от юга переходил к западу, к северу и востоку и возвращался на круги своя, а в часовне не было ветра, одна прохлада и вечность.

Что-то в этом каменном небе было завораживающим, и он размышлял о том, что удел всех империй — завоевание, а если экспансия замедляется, то цари обращают свои взоры ввысь и думают, нельзя ли отвоевать чужое небо. Но теперь не обязательно брать чужое небо силой, его можно просто обменять на деньги.

Так вышло, что он, используя уговоры и отведённые ему деньги, купил египетское небо, и теперь оно в трюме корабля двигалось на север. Сперва оно достигнет Константинополя, потом Одессы, а затем его на подводах повезут в Санкт-Петербург. Чужое небо будет его славой, а слава лучше денег, потому что деньги липнут к славе.

Каменное небо было чем-то вроде слона, которого отправляли на север, в дар царям и королям. Восточная диковина, которую можно разглядывать в зверинце. И он, Архип Иванович, будет кем-то вроде погонщика элфанта. Человека, что исправно получает день-

ги на содержание причудливого животного. А кроме денег, слону полагались морковь с репой и ведро хлебного вина, что тоже скрашивает жизнь — и слону, и его хранителю.

К тому же мёртвый камень лучше живого слона в пользовании. Он не портится, не болеет от гнилой моркови и нуждается лишь в толковании.

Дело было на мази, но началась очередная война греков с турками, и сообщение стало невозможным, как и само пребывание Витковского на земле Порты.

И тут ему попался один человек, француз, одетый, как араб, но с военной выправкой. Этот француз скрашивал Витковскому вечера разговорами, потому что в нищей стране уроженец Вильны не мог найти себе достойного собеседника. Моруа раньше жил в Венеции, но о своих перемещениях по свету он рассказывал сколь цветисто, столь и неточно, так что Витковский время от времени полагал, что француз выдумал половину своих приключений, чтобы скрыть другую их половину.

К примеру, Моруа рассказывал о том, что в Венеции по городу ходили свиньи, принадлежавшие монастырю Святого Антония. И некий путешественник заметил, что свинья неприятна мусульманам и евреям, не едящим свиного мяса, и поэтому сами свиньи как бы принадлежат истинной религии. Рассказывали, что один человек хотел убить свинью святого Антония, но свинья бросилась на него, искусала, отбилась от стражи и ушла.

«Впрочем, все путешественники привирают, — думал Витковский, — наверняка Моруа украл где-то эту историю».

Сам Архип Иванович видел живую свинью только два раза в жизни, когда ехал на юг по дурным дорогам в Шклове и Полтаве.

Итак, француза звали Моруа, но иногда он представлялся «капитан Моруа», однако ж было непонятно, находится ли он в отставке или при какой-то службе.

Говоря с ним, Витковский, чья память оставалась безупречной, думал о картографии древнего неба, и картографии неба нынешнего, и о том, что недаром люди норовят подсмотреть в небе подсказки о будущих временах. И вот из этих воспоминаний, из фигуры Водолея с двумя чашами в руках, из рогов Овна и плеска Рыб ткалась какая-то идея, которую он не мог никак завершить. Итак, империям не нужно любви, всегда нужно чужое небо...

В любовь, кстати, он не верил. Любовь была чем-то вроде тех суетливых движений, которые так описал прусский философ. У католиков любовь, обращённая к человеку, а не к Богу, казалась чем-то запретным. У русских её тоже не жаловали, но они нарушали запреты с радостью и каким-то пьяным весельем.

На Востоке любовь была проще, потому что под жарким солнцем человек живёт быстро. И любовь тут тоже быстрая, всего за несколько монет тебе не только укажут путь

к ней, но и откинут занавеску в прохладную комнату.

Поэтому Витковский больше думал о древних камнях и той коллекции рукописей, что он вёз на север, чем о сладком досуге странника.

На постоялом дворе в тот же день он увидел другого русского, писавшего что-то в книжечку. Отличало русского то, что его протез торчал круглой деревяшкой в сторону. От этого казалось, что у стола лишняя ножка. Двое русских для одного дня — это было много, и он стал расспрашивать юношу, продававшего смокву, кто это. «О, Старик-деревяшка! — воскликнул юноша. — У нас его многие знают. Он записывает разные разности и, кажется, хочет написать книгу». — «Все путешественники хотят написать книгу, — рассудительно ответил Витковский. — Кроме купцов, конечно».

Юноша согласился, что купцы очень практичны и не занимаются глупостями.

Итак, это был паломник из страны, где правил русский царь. Юноша прибавил, что Старик-деревяшка совершает паломничество по святым для христиан местам и рад любым знакомствам.

Но Витковский решил исключить это знакомство из планов. Из такой встречи можно было вывести литературный сюжет, но читателю в пределах империи всегда интереснее читать про торговцев опиумом и смокву, древние развалины, причудливый нрав местных женщин и климат, в котором тепло

не является тем благом, каким оно считается в странах, где реки застывают зимой, а земля покрыта искрящейся водой по полгода.

Но судьба была жестока к Витковскому. Наутро, когда он уже отправлялся в Яффо, к нему пристал русский барин. Барин совершил паломничество ко Гробу Господню и теперь собирался обратно.

Витковский уже не знал, как от него отвязаться, но потом решил, что сэкономит на охране от лихих людей — ведь с этим барин был крепкий на вид слуга. Этот слуга, именем Еремей, носил за поясом пистолеты и более походил на разбойника, чем на слугу.

Вместе они двинулись на север и, прежде чем достичь Константинополя, попали в Ливан, а затем в Каппадокию.

Вместе они садились обедать, поставив в центр стола огромное блюдо с рисом и цыплятами, вместе осматривали руины, которые у русского барина вызывали более восторга, чем у Витковского, что знал историю Востока.

Они проезжали те места, в которых вода уже не была такой ценностью, как на юге. Пили они, однако, эгейское вино, а не родниковую воду. Витковский лежал в высокой траве и, тренируясь в арифметике, считал бесконечных верблюдов в караване, что проходил мимо них. Звенели колокольцы, покачивались всадники, и поляк знал, что никто из этих путешественников в чалмах никогда не напишет книгу.

Это была дорога войны, по ней шёл великий Александр, по ней сновали взад-вперёд

армии, чтобы всё осталось так, как есть: дремотная Азия и высокая трава, которая позволяет спать среди древних руин.

Стада коз казались вдвое больше из-за знойного марева.

Барин рассказывал Витковскому, что путешествовал на Святую по зароку, который дал своей матушке после того, как она заплатила его карточные долги. Как ни странно, этот русский господин оставил пагубную привычку и теперь собирался жениться на дочери своих соседей. Ей он вёз, помимо христианских реликвий, дешёвый шёлк, купленный задорого, и ларец с пахучими маслами.

Азия уравнивала всех: они совершали свой путь в восточных одеждах, и на суровом Еремее была такая же чалма, как и на погонщиках верблюдов.

Знания русского барина о мировой истории были отрывочны, хаотичны, но избыточны. Витковский представлял себе, как он будет мучить своих соседей, забредших на огонёк, байками, мешая личную память с рассказами из «Библиотеки для чтения».

Однажды среди очередных развалин они увидели цыганские шатры. Путники решились приблизиться, хотя осторожный Еремей отговаривал их, убеждая, что *в сердце нет у цыган стыда, а поглядеть — то и сердца нет.*

Они сели на холме, чтобы наблюдать за табором. Явно готовился какой-то праздник. Огромный костёр затух, и несколько цыган

Березин В.

Б 48 Уранотипия : роман / Владимир Березин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 288 с. — (Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-26948-4

Тридцатые годы XIX века. Палестина. Русские военные картографы отправляются с тайной миссией на Святую землю, но для героев это не просто дипломатическая командировка — в Иерусалим их привела сама Судьба, и каждому уготовано своё испытание. Максим Никифорович Быков бредит желанием сделать уранотипию Иерусалима — прототип тогда ещё не изобретённой фотографии. Поляк Витольд Витковский охвачен воспоминаниями о юной цыганке, чью свободу он когда-то выкупил на невольничьем рынке за высокую цену. Беглый монах движется из темноты пещеры на свет и встречает свою смерть. Французский и английский шпионы пытаются выяснить, что за таинственный предмет повсюду носят с собой русские путешественники.

Новая долгожданная книга Владимира Березина написана в лучших традициях постмодернистского исторического романа, в духе Умберто Эко и Владимира Шарова. Это тревожная и завораживающая многослойная проза, в которой будут и авантурный сюжет, и символическое осмысление русской истории, и многочисленные отсылки к русской литературе.

Внутри «Уранотипии» образуются причудливые зеркальные лабиринты: герои видят друг друга во снах, а эпохи и пространства удваиваются, приглашая и читателя шагнуть в зазеркалье.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ БЕРЕЗИН
УРАНОТИПИЯ

Редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная вёрстка Михаила Львова
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.10.2024.
Формат издания 84 × 96 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 13,41. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MOD-35949-01-R